

РОЛЬ СПЕЦИФИКАЦИИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСАХ: ПРИМЕР «ЗАПУСТЕНИЯ» 1570—1580-Х ГОДОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ*

Михаил ВДОВИН

магистр экономики,
аспирант ГУ—ВШЭ,
факультет экономики,
кафедра экономического анализа
организаций и рынков

Ойковоча • Полтка

• OIKONOMIA • POLITIKA

И С Т О Р И Я

Введение

В течение последних двадцати лет лейтмотивом развития российской экономической теории является восстановление единства с мировой традицией исследований. Далеко не во всех направлениях экономической науки подобный разрыв был значительным и вообще существовал. Однако некоторые методы исследований стали развиваться в течение последних двадцати лет как будто с чистого листа. По общему мнению, к числу таких направлений относится новая институциональная экономика. Значимость метода институционального анализа в современной экономической науке заставляет искать и в национальной традиции школы, использовавшие предмет и метод анализа, который мог бы считаться родственным для современных институциональных исследований.

На наш взгляд, таким родственным направлением анализа было объяснение центрального для инс-

* Автор выражает глубокую признательность своему научному руководителю С. Б. Авдашевой, ставшей вдохновителем настоящей работы, организаторам и участникам Российской летней школы институционального анализа (2008), на которой обсуждались первоначальные задумки автора, в частности М. М. Юдкевич и В. М. Полтеровичу, участникам секции «Экономическая история» X Международной конференции по проблемам развития экономики и общества (2009), в частности О. И. Ананьину, А. М. Маркевичу, а также А. Е. Шаститко и О. И. Шкаратану.

титucionalной экономики института — института прав собственности в Московском царстве, которое мы можем найти в работах российских историков рубежа XIX—XX веков. В статье поставлена цель интерпретировать выводы российской исторической школы о зарождении институтов, их конкуренции и влиянии на экономическое развитие в контексте современных институциональных представлений. Предметом является институт собственности на землю.

Настоящая работа посвящена более узкой, но наиболее разработанной проблеме в работах историков того периода — поземельным отношениям XV—XVII вв. Этот период является своего рода водоразделом, делящим историю России на два совершенно разных периода: удельный и московский, для которых были свойственны несовместимые и конкурирующие между собой типы земельных отношений. Но тем интереснее видится проблема закономерности выбора того или иного института и его влияния на экономическое развитие. Мы исследуем роль спецификации прав собственности в экономических кризисах на примере «запустения» 1570—1580-х годов в Центральной и Северо-Западной Руси. На основе анализа трудов российских историков делается предположение, что негативные явления в экономике того времени (резкое увеличение числа запустевших деревень, уменьшение площади запашки, использование низкоэффективных способов обработки земли, отток населения из центральных районов) были связаны с особенностями спецификации прав собственности.

В течение всего периода российской истории существовали различные, в том числе и конкурирующие режимы собственности на землю (поместное и вотчинное землевладение, свободное крестьянство (например, своеземцы), «казачья вольница» и крепостное право). В то время как на Западе права собственности были лучше специфицированы и, согласно общепринятому мнению, способствовали быстрому экономическому росту, для России характерно наличие альтернативных институтов и неспецифицированность прав собственности.

Проблема неспецифицированности прав собственности уже неоднократно затрагивалась в исторических, историко-экономических и историко-политических исследованиях. Отправной точкой данного направления стоит считать работы российских историков конца XIX века, которые первыми стали подробно исследовать особенности поземельных отношений на основе писцовых книг и поместных сказок.

Это направление исторической мысли, заложенное еще В.О. Ключевским, базировалось на его тезисе о «зависимости факторов социальных и политических от экономических и старалось пойти дальше в этом направлении и еще более углубиться в изучение социальных и политических явлений, исследовав их зависимость от экономических факторов»¹. На основе анализа архивных материалов российские историки в конце XIX — начале XX века выпускают большое количество работ, посвященных исследованиям отечественного экономического быта, феодальным и поземельным отношениям, торговле и промышленности. В области социально-экономических вопросов историки конца XIX века фокусировались на тех же проблемах, что и западноевропейская историческая наука. Прежде всего — на изучении конкретных социально-экономических институтов, их особенностей, причин возникновения и их влиянием на политическую сферу. В этом направлении

¹ Цит. по: *Пичета В.И.* Введение в русскую историю (Источники и историография). М.: Государственное издательство, 1922. С. 152.

анализа подходы российских историков тесно смыкаются с методом немецкой исторической школы в экономической теории, которая выступила одной из предшественниц старой институциональной школы. Для них обеих был характерен интерес к влиянию национального уклада организации общественной сферы в целом на хозяйственные отношения — то, что в современной институциональной теории носит название «воздействие институтов на экономическое развитие».

Институт собственности на землю был исследован в работах историков конца XIX — начала XX², которых в первую очередь интересовали вопросы поместного и вотчинного землевладения, колонизации южных земель, взаимосвязи землевладения и военной службы и другие проблемы. К данному направлению примыкают и некоторые представители юридической науки. М. А. Дьяконов «первым из юристов стал интересоваться юридическими институтами в их исторической эволюции, ...обратил свое внимание на изучение тех историко-бытовых условий, под влиянием которых создавался тот или другой юридический институт»³.

Не будучи профессиональным историком, я могу упустить из виду некоторые из научных трудов того времени. Но в настоящей работе и не ставилось задачи предложить читателю их полный обзор. Мы пытаемся показать, как отечественные историки более 100 лет назад видели и исследовали проблемы, которые не только шли в ногу с западноевропейской исторической школой того времени, но и задавали во многом те же вопросы, что представляют интерес и для современной институциональной экономики.

Выводы многих работ, основанных на анализе исторических данных, свидетельствуют о том, что защищенные права собственности, сила закона и уровень доверия между агентами положительно соотносятся с экономическими результатами⁴. Актуальность обращения к проблемам эволюции модели собственности обусловлена как долгосрочным воздействием институтов на общественное развитие, так и тем фактом, что выбор институтов осуществляется в течение всего периода существования государства, в том числе и в настоящее время. Вот почему изучение причин выбора модели неспецифицированных прав собственности всегда актуально, в том числе и в аспекте осмысления современной экономической политики. С учетом того, что существует зависимость от предшествующей траектории развития институтов (*path-dependence*), исторический анализ института собственности на землю в России способен предложить инструментарий для ответа на вопрос, насколько эффективна основанная на неспецифицированных правах собственности экономика и какие ограничения ее характеризуют.

² Готье Ю. Замосковский край в XVII в. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1906; Лапо-Данилевский А. С. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1898; Рожественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб.: Тип. В. Демакова, 1897; Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М.: Университетская типография, 1899; Сташевский Е. Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в. М.: Т-во «Печатня С. П. Яколева», 1911.

³ Цит. по: Пичета В. И. Введение в русскую историю (Источники и историография). С. 167; см. также: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 3: Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М.: Зерцало, 2006.

⁴ См.: North D., Thomas R. P. The Rise of the Western World. A New Economic History. Cambridge University Press, 1973; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth. econ-www.mit.edu/files/296; Greif A. Institutions and the path to the modern economy. Lessons from the medieval trade. Cambridge University Press, 2006.

1. Права собственности в современной институциональной теории

В классической экономической теории собственность не является объектом анализа: «для экономической системы с нулевыми транзакционными издержками, анализируемой в теории общего равновесия, вообще не имеет значения, находятся ли факторы производства в собственности тех, кто их использует, или же арендуются ими»⁵. Наоборот, в исследованиях, которые посвящены проблемам прав собственности, утверждается, что права собственности и рынки прав собственности имеют значение. В чем же различие?

Согласно теореме Коуза, если транзакционные издержки равны нулю, начальное распределение прав собственности не играет роли, так как в данных идеальных условиях права собственности будут полностью определены и распределены при помощи рыночного механизма в соответствии с полезностью для разных участников процесса размещения прав⁶. Спецификация прав собственности становится главным условием их последующего эффективного перераспределения. Однако в реальном мире из-за наличия положительных транзакционных издержек полностью специфицировать права собственности не удастся: полная спецификация прав собственности невозможна, как и любой полный контракт. Поэтому в институциональном анализе транзакционные издержки, вызванные неопределенностью и асимметричностью информации, а также структура собственности оказывают существенное влияние на экономические результаты через стимулы и поведение агентов.

Существуют и другие отличия от неоклассической экономики. В институциональной экономике стоимость любой собственности зависит от полноты пучка прав собственности, который передается в ходе сделки. Но помимо действий самих участников сделки на пучок прав собственности может влиять и поведение других сил (в первую очередь правительств), что влечет за собой изменение стоимости, а значит, приводит к альтернативной аллокации и использованию ресурсов. Кроме того, в реальном мире не происходит моментального приспособления цен, как предполагает неоклассическая теория, в результате чего равновесие не может быть моментально установлено. Сильная подверженность государственному регулированию и отсутствие моментального приспособления цен особенно характерно для рынка земли⁷, что заставляет экономистов обратить пристальное внимание на структуру прав собственности в этой сфере. В мире, где транзакционные издержки велики, не существует эффективного рыночного механизма перераспределения прав собственности, особое внимание уделяется существующим правам собственности, которые оказывают серьезное влияние на производство и распределение⁸.

Согласно Гарольду Демсецу, права собственности возникают тогда, когда у собственников появляется желание интернализировать внешние эффекты, то есть когда выгоды от интернализации становятся больше, чем сопряженные с ней издержки⁹. В результате перехода к частной собственности у агентов уменьшаются риск и неопределенность в отношении собствен-

⁵ Фуруботи Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. СПб.: Издательский дом государственного университета, 2005. С. 91.

⁶ Coase R.H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3.

⁷ Musole M. Property Rights, Transaction Costs and Institutional Change: Conceptual Framework and Literature Overview // Progress in Planning. 2009. Vol. 71. P. 43–85.

⁸ Libecap G.D. Property Rights in Economic History: Implication for Research // Explorations in Economic History. 1986. Vol. 23. No 3. P. 227–252.

⁹ Demsetz H. Towards a Theory of Property Rights // American Economic Review. 1967. Vol. 57. No 2. P. 347–359.

ности и, как следствие, появляются стимулы к эффективному использованию ресурсов¹⁰. Помимо стимулирующего эффекта собственности частная собственность обеспечивает и необходимый контролирующий эффект конкуренции — то есть некоторую комбинацию «кнута и пряника», которая способствует экономическому росту¹¹.

Для охраны и поддержания прав собственности необходимо государство, признающее и гарантирующее права собственности, так как самостоятельная защита собственником своих прав является довольно трудным и затратным делом. Но иногда использование рыночного механизма оказывается невозможным из-за слишком высоких трансакционных издержек. Даже при использовании рыночного ценового механизма возникают определенные издержки¹². В том случае, если они велики, необходимо воздействие государства, которое при помощи интервенции может повысить эффективность рынков. Действия государства заключаются в перераспределении и ограничении эксклюзивных прав собственности, которые могут сводиться к ограничению свободы на использование, получению дохода или распоряжению собственностью. Но, идя дальше в своих намерениях, государство может полностью захватить все права собственности, нарушив тем самым фундаментальные принципы рыночной экономики¹³.

Меры государства, направленные на снижение издержек действия рыночного механизма, могут повлечь за собой возникновение новых издержек — политических трансакционных издержек. Проблема заключается не в том, что эти издержки существуют, а в том, что они могут быть выше, чем при рыночной системе. Помимо издержек государственной интервенции, поддержания бюрократической системы и прав собственности росту трансакционных издержек могут способствовать издержки, связанные с негибкостью государственного аппарата, и, как их следствие, — возникновение лоббирования и коррупции среди представителей государства¹⁴. Принимая те или иные решения относительно ограничений прав собственности, политики в первую очередь будут учитывать свои интересы. В результате решения не всегда принимаются в целях максимизации полезности государства, а в первую очередь учитывают политические и экономические интересы вовлеченных групп. «Провалы рынка предоставляют возможность для использования нерыночных (государственных) способов регулирования. Они также могут оказаться неэффективными (по тем же причинам, что и провалы рынка). В обоих случаях стимулы, воздействующие на агентов („фирмы“ в одном случае и „группы“, действующие от имени правительства) могут привести к результатам, которые существенно отличаются от результата, предпочтительного для общества»¹⁵.

Оптимизационная задача общества заключается в выборе между этими двумя неидеальными вариантами. Но переход от менее эффективной альтернативы к более эффективной не так и прост и обусловлен выходом с траектории развития *path-dependence*, когда сегодняшние действия обуславливаются прошлыми решениями. Институциональное изменение возможно лишь

¹⁰ Jaffe A.J., Louziotos D. Property Rights and Economic Efficiency: A Survey of Institutional Factors // Journal of Real Estate Literature. 1996. Vol. 4. P. 137—159.

¹¹ Фуруботн Э.Г., Пухтер Р. Указ. соч. С. 97.

¹² Coase R.H. The Problem of Social Cost.

¹³ Musole M. Property Rights, Transaction Costs and Institutional Change... P. 43—85.

¹⁴ Adams D., Disberry A. Ownership Constraints to Brown Field Development // Environment and Planning. 2001. Vol. 33. С. 453—477.

¹⁵ Wolf C. A Theory of Non-Market Failure: Framework for Implementation Analysis // Journal of Law and Economics. 1979. Vol. 22. No 1. P. 107—139.

тогда, когда в нем заинтересованы определенные группы интересов и их интересы отражают интересы всего общества¹⁶. В противном случае партии, которые проигрывают в ходе институциональных изменений, будут противостоять изменениям, что потребует предоставления им соответствующей компенсации, чтобы реализовать переход к оптимальной альтернативе.

2. Формирование института собственности на землю в Древней Руси

Для объяснения места института поместного землевладения следует обратиться к широкому историческому контексту эволюции прав собственности на землю. Процесс становления земельных отношений в Древней Руси можно разбить на три последовательных этапа¹⁷.

Этап 1. «Куда топор и соха ходили»

С XII века начинается движение населения с территории Киевской Руси, переживавшей запустение, в направлении Северо-Востока (район Волго-Окского бассейна). Географические особенности, такие как равнинная местность и обилие рек, облегчали переселенцам задачу по освоению новых территорий. Именно в это время основываются такие города, как Москва, Дмитров, Тверь, Звенигород. Происходило и изменение торговых путей (из района Днепра в район Москвы-реки), а экономический центр Руси смещался из Киева в сторону северо-восточных княжеств, которые были менее подвержены набегам Степи.

Обычная деревня состояла всего лишь из нескольких домов, что объясняется невозможностью прокормить большее население на ограниченной территории. Прimitивная система обработки земли заключалась в том, что на определенном участке вырубался и сжигался лес. Удобренная почва в течение нескольких лет давала достаточный урожай, после чего участок забрасывался — до тех пор, пока вновь не зарастет лесом, а «ватага» крестьян (вырубить участок леса, а потом обработать землю одному крестьянину просто не под силу) переходила на соседний.

Обилие неосвоенных земель (точнее лесов), обрабатываемых подсечно-огневым способом, приводило к отсутствию необходимости специфицировать права собственности. У деревень и прилежащих к ним земель в это время не существует строгих границ: в условиях постоянного перехода с места на место достаточно использовать отметки на деревьях, копание межей¹⁸. Границы определяются довольно размыто: «куды той деревни топор ходил, куды соха, куды коса ходила». Спецификация прав собственности оказывается излишней — крестьянину всегда можно (и нужно!) перейти на новое место, чтобы обеспечить высокую урожайность. Природные условия и примитивная техника обработки земли препятствуют росту урожаев, но в то же время обеспечивают выживание и стимулируют дальнейшее освоение территории.

Этап 2. «Что потягло исстари»

Примерно к XV веку увеличение населения постепенно приводит к появлению конкуренции за землю. Причина не в недостатке самой земли — ее по-

¹⁶ D'Arcy E., Keogh G. The Property Market and Urban Competitiveness: A Review // Urban Studies. 1999. Vol. 36. P. 917–928.

¹⁷ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2008.

¹⁸ Там же.

прежнему много, — а в ограниченности земли, пригодной для ведения сельскохозяйственной деятельности. Это стимулирует появление более прогрессивных типов обработки земли (трехполья) и становление институтов собственности на землю. Спецификация прав собственности на землю появляется, когда возрастает количество участников, претендующих на обработку земли в условиях коммунальной собственности. В плотно населенных районах издержки ведения такого хозяйства оказываются слишком велики; переход к вотчинной системе за счет ограничения доступа к ресурсу позволяет их уменьшить.

Вотчинник — это свободный, имеющий высокий социальный статус, владлец. Это родовая знать (боярство, князья), которой эта земля «прилежит издревле», либо церковные институты, получившие землю в качестве дара или купившие ее. Служба Великому князю, в том числе военная, для них необязательна и может быть реализована только в случае личной заинтересованности. Такой владлец даже свободен в выборе господина и в случае недовольства может покинуть его, перейдя на службу к другому. Вотчиннику принадлежат все права собственности на землю, в том числе и возможность передачи ее по наследству (именно в силу этого она, в отличие от поместья, может быть рассмотрена как частная собственность).

Этап 3. «Вольны были и казнить»

В XVI веке в противовес вотчинному землевладению доминирующим типом землепользования становятся поместные земли, которые предоставляются владельцу на время службы. Становление условной собственности связано с развитием идей о верховном собственнике и его неотчуждаемой собственности, а также с формированием государством служилого класса, обеспеченного землей. «Экономическая мощь московского дворянина питалась государственной милостью, а не была завещана издревле» (то есть собственность была получена за службу, а не являлась родовой собственностью помещиков)¹⁹. Это явление относится прежде всего к периоду слабости власти, когда государство, нуждаясь в поддержке, активно раздавало земли.

Поместье возникает в процессе децентрализации крупных вотчин. Пытаясь «наполнить» пустующую землю, вотчинник мог предоставить своим дворовым, находящимся в зависимом положении, землю на время несения ими службы или выполнения каких-либо обязательств в пользу вотчинника. По истечении срока службы собственность могла быть отобрана и передана другому. В случае поместья не передавался весь пучок прав собственности; несвободный, находящийся в услужении господину получал лишь право временно распоряжаться землей. Здесь перестают действовать рыночные механизмы координации, направленные на создание стимулов для эффективного хозяйствования и перераспределение собственности в сторону более эффективных собственников. Владение собственностью в новой системе обуславливается не экономической эффективностью собственника, а лояльностью агента (помещика) своему принципалу (Великому князю). Уход от принципа «невидимой руки» и появление редистрибутивной экономики означает появление новых транзакционных издержек, например оппортунистического поведения агентов.

Московское княжество, изначально возникшее как вотчина князей Даниловичей, при помощи рациональной политики присоединения новых земель смогло трансплантировать поместные институты на государственный

¹⁹ *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в.

уровень. Следствием этого является перенос хозяйственной логики вотчинника на сущность государственных институтов. Рассматривая государство как свою вотчину, Иван Грозный утверждал, что «...жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить». При этом сопротивление власти рассматривается в рамках этой логики как совершенно невозможное: «кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу — тот именуется отступником, а это наихудший из грехов»²⁰.

Таким образом, мы видим, что развитие права собственности на землю в период Московского царства демонстрирует крутой поворот. Постепенный процесс спецификации прав собственности сменяется резким ослаблением прав собственности на уровне отдельного пользователя, формированием режима, который впоследствии получает название режима «власти—собственности»²¹. Этот поворот, характерный именно для России в противоположность западным странам, нуждается в объяснении. Покажем, что многие из объяснений, сформулированные российскими историками XIX — начала XX века, могли бы быть полностью поддержаны новой институциональной экономикой сто лет спустя.

3. Институт поместной и вотчинной собственности в трудах российских историков конца XIX — начала XX века

Н.А. Рожков в своей работе «Сельское хозяйство в Московской Руси...» отмечает следующие тенденции развития землепользования, характерные для XVI века²²:

- распространение условной системы землепользования (поместного и монастырского землевладения) за счет вотчинного и черного землевладения;
- менее эффективное хозяйствование на таких землях в связи с более высокой мобилизацией поместий, то есть наличием риска отъема собственности либо перехода поместья к непрямым наследникам.

В результате отсутствия гарантий прав собственности характерным рациональным поведением для любого помещика, который не был полноправным владельцем земли, была хищническая стратегия, направленная на максимальное извлечение прибыли из поместной земли, пока тот «испомещен» в ней.

Рожков приводит следующий пример, иллюстрирующий как неполнота прав собственности влияет на экономическое поведение агентов — в данном случае крестьянина, который арендует поместную землю:

«В 1598 г. сын боярский Михаил Фомин отдал свое владимирское поместье на оброк некоему Федору Шишкину; поместье было сильно запущено, и арендатор приложил немало труда, чтобы привести его в лучшее состояние: он посеял яровой хлеб, вспахал пар под рожь, вырубил и выжег на многих десятинах лес, скосил сено на лугах. В разгар этих хозяйственных забот и трудов старый помещик Фомин лишен был своего имения, которое было отдано в поместье другому лицу, Василию Соболеву. Последний, вступив во владение и не получив ничего от Шишкина, так как весь оброк был уплачен им прежнему владельцу, ...посеял озимый хлеб на пару, приготовленном Шишкиным, сvez к себе скошенное им

²⁰ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.

²¹ Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. №3.

²² Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М.: Университетская типография, 1899.

сено, и «Федор Шишкин... стал в великих убытках без пашни и сена на три года. А лес отсекая и пашню распахивая, он лошади и волы поморил»²³.

Логично, что как рациональный агент крестьянин Шишкин в следующий раз (если сможет оправиться от понесенных убытков) при принятии решения об аренде земле и ведении хозяйственной деятельности будет учитывать неполноту прав собственности и отсутствие гарантий на получение плодов своего труда. Чрезвычайно любопытна логика решения судебного дела, возбужденного по инициативе крестьянина. В случае с Шишкиным суд принимает решение, кажущееся справедливым: Шишкин может взять себе посеянный яровой хлеб и скошенное сено, а новый помещик обязан компенсировать расчистку леса исходя из денежной стоимости, которую брали за аналогичную работы крестьяне данной волости. Но другие издержки, которые понес крестьянин («лошади и волы поморил»), ему не возмещаются. Иначе говоря, объектом решения было только распределение текущих результатов и текущих издержек. В свою очередь, необратимые издержки во внимание не принимались.

Отмечая недостатки поместного землевладения, историки выделяют тот факт, что отсутствие гарантий прав собственности приводит к отсутствию стимулов для ведения хозяйственной деятельности не только у крестьян, но и у самих помещиков. Появляется хищническая модель хозяйствования, направленная на извлечение прибыли в краткосрочном периоде без учета внешних эффектов такой деятельности:

«При подвижности и необеспеченности землевладения, помещик, зная, что он сегодня здесь, а завтра, может быть, его погонят на другое место, относился хищнически не к земле, которую он сам не обрабатывал, а к крестьянам, которые непосредственно служили объектом помещичьей эксплуатации»²⁴.

«Поместная система носила такой чисто государственный характер, что убивала всякие проблески личной энергии и предприимчивости и вырабатывала все большее и большее теоретическое представление о поместном праве на землю, как о праве шатком, неустойчивом, необеспеченном, произвольном, случайном»²⁵.

Е. Д. Сташевский также отмечает, что отрицательная сторона поместного землевладения заключается «в отсутствии прав против злоупотреблений и насилия в области имущественных прав, злоупотреблениях, чинимых сильными людьми... Там, где «насильство» являлось обычным явлением, трудно ожидать сколько-нибудь правильного течения хозяйственной жизни». Он приводит примеры, в которых помещики были лишены какой-либо гарантии на свои поместья:

Федор Пушкин, перечисляя свои беды, отмечал, что у него «отнят двор московский и отдан Федору Дурову», «брата его родного Ивана убили на службе немецкие люди, а поместье его, что было за отцом, 500 человек, взято и отдано Никите Боборыкину», «да дано нам при боярах за службу на Алатаре деревня..., отобрана и отдана»²⁶.

Другая характерная черта поместного землевладения — рассеянность поместных наделов, их небольшие размеры и низкое качество предоставля-

²³ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 459.

²⁴ Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. II: Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1909—1911. С. 137.

²⁵ Благовещенский Н.А. Четвертное право. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1899. С. 4—5.

²⁶ Сташевский Е.Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в. С. 27.

емых земель. Историки отмечают, что «помещики сплошь и рядом получали в качестве дачи пустоши, земли покинутые, поросшие лесом, лишенные рабочих рук»²⁷, что, естественно, ухудшало положение служивого класса. Помещики утверждают, что «служить государевы службы с того поместья не мочно, теми оброчными деньгами и на Москве прокормиться нечем» и «с того поместья и с вотчин не токми служить и сыту быть не с чева»²⁸.

Рассматривая средний размер поместного землевладения уже после «запустения» 1770—1780-х годов Сташевский утверждает, что оно равнялось 750 десятинам и было достаточно для ведения хозяйственной деятельности, однако ограничено рядом фактов. Во-первых, помещик получал земли «не там где хотел, а там где представится случай, то есть возможность получить в оклад свободный участок земли». Во-вторых, землевладение было разбросано чуть ли не по всей территории московского государства. Так помещик мог владеть землей в 3—5 уездах в разных концах страны.

«Тимофей Владычкин имел 487 $\frac{1}{2}$ ч. Поместной земли и 83 $\frac{1}{3}$ вотчинной. Его поместья лежали 7 уездах — вологодском, владимирском, галичском, каширском, алексинском, тарусском, тульском, а вотчины в 2 уездах — коломенском и тарусском»²⁹.

Выделяя хозяйственные недостатки сложившейся системы, Сташевский отмечает, что она мешает образованию крупного землевладельческого хозяйства, в котором возможна экономия на масштабе. В условиях поместной собственности невозможно с одинаковым рвением и успехом хозяйствовать в многочисленных, но мелких имениях. Часто для ведения эффективного хозяйства помещик селил всех крестьян в одном селе, а остальные земли оставались мертвым грузом.

По мнению Ю.В. Готье, поместья были более дробные и в них чаще встречались чересполосные участки. Наоборот, «вотчины с течением времени становятся крупнее, а следовательно, ценнее и удобнее для хозяйственной эксплуатации... Большая цельность и постоянное увеличение среднего размера вотчины делают последнюю, вообще, более удобной для хозяйственной эксплуатации, нежели поместье: в этом залог ее большего экономического благосостояния»³⁰.

Следует отметить, что распыленность наделов не была бы проблемой, если бы существовал некоторый эквивалент рынка земли. Однако именно неспецифицированность прав собственности препятствовала подобному обмену, и в этих условиях географическая разобщенность действительно создавала проблему. Н.А. Рожков полагает, что преобладание среднего землевладения было благоприятно для власти с военной точки зрения, так как позволяло предоставить достаточное количество воинов с одного поместья. Однако, в отличие от крупного (где есть экономия на масштабе) и мелкого (где помещик является крестьянином и самостоятельно обрабатывает свой участок), такое землевладение было менее продуктивным. Рожков видит в этом объяснение обратного перехода от более продуктивной паровой системы к перелогу, падения площади запашки, роста числа запущенных земель и оттока населения из центральных районов в конце XVI века.

²⁷ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. С. 247.

²⁸ Сташевский Е.Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в. С. 14.

²⁹ Там же. С. 27.

³⁰ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. С. 400, 428.

На практике же можно выделить следующие черты поместного землевладения: отсутствие возможности продажи поместья, отсутствие реально функционирующего рынка земли и несоблюдение прав собственности государством. Все это вело к появлению негативных внешних эффектов. Главной характеристикой земли становилась «пустота», поскольку происходил упадок хозяйства на поместных землях, а крестьяне массово покидали их.

«Так поместная система приучала служилых людей к кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству, понижала технический уровень сельскохозяйственного производства. Но она сказывалась также и на формах производства: хищничество помещиков и постоянная неуверенность в завтрашнем дне заставляла крестьян целыми массами отливать из Центра и Западного Полесья, областей с наиболее развитой и господствовавшей уже значительное время поместной системой — в Степь, Поволжье, Поднепровье...»³¹.

Однако поместная система давала и дополнительные возможности для обогащения помещиков. Средний доход, который Е.Д. Сташевский для XVII века оценивает в 30—35 рублей, обеспечивал сносное существование помещика средней руки и его «людишек», но большого достатка землевладение не давало. Источником его служило совсем другое — а именно попадание в «московский список» служилых людей, что давало право отправиться на воеводство. Сташевский приводит следующий пример:

«14 февраля 1544 г. приехал Федор Левашов с Москвы к Соле на воеводство и призвал к себе старосту и земских целовальников... «Пожалован де я за государеву Смоленскую службу к Соле на воеводство и велено де мне на вас мирских людях по государеву наказу по приезде доправить на пол-году полтора ста рублей... да у меня же де в наказе написано, что де велено вам мирским людям меня воеводу за Смоленскую службу кормити и харчи сякие насыти по все дни»³².

Став воеводой, Левашов сразу же стал действовать: «всего он выправил на мирских людях деньгами и харчем и пивами 218 р. 6 а.». Но наряду с легальными доходами он открыл для себя дополнительные источники обогащения. Так, сольвычегодцы обвиняют Левашева «в получении „поминков“ с разбойников, которых он выпускал из тюрьмы на грабеж, в вымучивании денег с торговых людей и крестьян, в присвоении денег в „поминоки“ из сборных четвертных доходов». В результате этого жители Соли пишут письмо Василию II Темному в Москву:

И с такова его насильства воеводы Федора Левашова многие, государь, крестьяне из усольского уезда бегут врознь и твоя государева вотчина пустеет и четвертных денежных доходов платить некому от воевоцкого насильства»³³.

Вышеописанные недостатки поместной системы приводят к серьезнейшему экономическому и демографическому кризису в 1570—1580-х годов в Центральной и Северо-Западной Руси, для которого было характерно:

- резкое увеличение числа запустевших деревень;
- уменьшение площади запашки;
- использование низкоэффективных способов запашки;
- сокращение сбора податей;
- отток населения из центральных районов на север (колонизация Русского Севера) и юг (освоение степи).

³¹ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 460.

³² Сташевский Е.Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в. С. 32.

³³ Там же.

Историки рисуют безрадостную картину всеобщего запустения:

«Старейшие области русской земли оказались заброшенными, запустевшими, население исчезло. Землевладельцы вслед за своим крестьянином, а может быть и вместе с ним, „худели“ и разорялись в конец; помещики не были в состоянии нести положенную на них службу; церкви находились также в плачевном состоянии: большая их часть стояла пустыми — „без пенья“»³⁴.

В целом этот период характеризуется как аграрный кризис. В работах XIX — начала XX века, посвященных кризису, нет консенсуса по вопросу о причине, вызвавшей его. Отмечаются такие причины, как переход от товарного к денежному рынку³⁵, «размножение непроизводительных классов: служилого дворянства и духовенства»³⁶, рост налогов, вызванный ведением военных действий и литовским разорением³⁷, освоение новых территорий на юго-востоке³⁸. Однако большинство историков сходятся во мнении, что одну из главных ролей сыграла именно поместная система:

«...служилый человек чувствовал себя вполне прочно только в своей вотчине, поместье продолжало быть по общим воззрениям владением чисто условным; поэтому в эпоху разорения... поместья пустели и забрасывались гораздо чаще и легче, нежели чем вотчины»³⁹.

Из-за этого уже в XVII веке условная собственность уступает место полной собственности на землю — вотчинному землевладению, где временный владелец превращается в постоянного собственника земли и прикрепленных крестьян, с возможностью их передачи по наследству⁴⁰. Уже после Смуты начался процесс «постепенного увеличения в составе дворянского землевладения вотчин, процесс поглощения поместья вотчиной»⁴¹. Вотчинное землевладение не только количественно поглощает поместное, но и в хозяйственном отношении до конца изучаемого времени остается наиболее крепким и способным к процветанию видом служилого землевладения»⁴².

Однако в силу зависимости от траектории развития вотчинные земли во многом сохраняют особенности поместной системы землевладения и не становятся частной собственностью в западноевропейском понимании. Например, у вотчинника-помещика уже не существует права выбора господина и военной службы: единственным возможным вариантом остается служба Царю Московскому. Взамен этого он получает землю и прикрепленных к ней крестьян, которые теряют право смены помещика в результате отмены Юрьева дня. В XVII веке государство за счет увеличения доли вотчин нивелирует институциональные недостатки поместной системы, но в целях поддержки служилого класса оказывается вынуждено ограничить передвижение крестьян и установить новый неэффективный институт — институт крепостного права.

³⁴ Яницкий Н. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1915.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. II.

³⁷ См.: Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVII в.; Готье Ю. Замосковский край в XVII в.

³⁸ См.: Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1908.

³⁹ Готье Ю. Замосковский край в XVII в. С. 252.

⁴⁰ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства.

⁴¹ Сташевский Е.Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в. С. 17.

⁴² Готье Ю. Замосковский край в XVII в. С. 524.

Определившись с особенностями института помещного землевладения и его влиянием на экономическое и социальное развитие, нужно ответить на главный вопрос, который также интересовал историков XIX века: почему возник столь неэффективный институт и почему он оказался более конкурентоспособным в борьбе с другими институтами?

4. Причины возникновения института помещной собственности

Мнение о влиянии татарского нашествия на формирование институтов Московской Руси доминирует в историографии еще со времен Н. М. Карамзина. Вслед за ним многие историки утверждают, что многие институты (закрепощение крестьян, местничество, взгляды на власть как верховного собственника земли) были скопированы у татар.

Например, Г. Ф. Блюменфельд отмечает косвенное влияние монгольских норм на русское землевладение (косвенное — так как монголы не были землевладельцами). «Поместье — моложе других форм поземельного владения и возникает после татарского погрома... С падением монгольского ига атрибуты ханской власти были перенесены на князя, который стал таким образом верховным вотчинником всей русской земли»⁴³. По сути, сохранился старый принцип, где хан выступал верховным собственником, а князь — посредником между ним и народом, который пользуется ханскими правами в своем уезде. Согласно этому «татарскому» подходу все должны служить государству: «черные земли несли в пользу государства тягло; вотчины и поместья налагали обязанности службы, за отклонение которых они отбирались... дворцовые земли служили фондом для наделения служилых людей»⁴⁴.

Н. П. Загоскин также связывает процесс формирования служилого класса с формированием помещной системы: московские князья реорганизуют служилый класс, устанавливая обязательную службу посредством землевладения, и уничтожают право свободного отъезда⁴⁵. Права собственности на землю влекут за собой обязанность военной службы.

«Великия Князья Московские подметили этот принцип государственной жизни и обратили его в одно из средств образования правильно служилого класса. Земля получает характер служебной. Не только вотчинники являются обязанными нести службу государству, но и сама земля становится как бы в служебное подчинение ему, земля сама по понятиям того времени как бы служит государству, таким образом вотчинник становится только лицом, в котором выражается служебная сила земли»⁴⁶.

Правительство следит за тем, чтобы размеры поместий соответствовали определенной норме, и в случае чего производит перераспределение. При выбытии из строя помещик не теряет поместье — оно получает название прожитка. Но и после этого правительство следит, чтобы оно не выходило из службы и после смерти помещика возвращалось в казну.

Но причина простого копирования институтов не кажется столь уж очевидной. У нее тоже должны быть основания — прежде всего экономические. С. В. Рождественский выделяет существенную связь между институтом

⁴³ Блюменфельд Г. Ф. К вопросу о землевладении в Древней Руси. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1884. С. 110.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Загоскин Н. П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань: Университетская типография, 1875. С. 62.

⁴⁶ Там же. С. 64—65.

собственности на землю и обязанностями службы, но идет дальше в своих изысканиях. Он отмечает, что более ранние историки-юристы (Неволин, Иванов, Лакиер, Беляев, Загоскин) изучали землевладение только лишь как систему норм, и ставит в своем исследовании «Служилое землевладение в Московском государстве» задачу раскрыть «непосредственную, жизненную последовательность явлений экономического, социального и государственного быта»⁴⁷.

Согласно Рождественскому, история служилого землевладения — центральный процесс в истории Московской Руси:

«Организация военной силы — важнейшая забота московского правительства XVI—XVII веков — наложила резкий отпечаток на весь вообще государственный механизм Московской Руси, определила положение известных классов Московского общества, связанных с военной службой»⁴⁸.

Основная задача власти заключается в том, чтобы земля не выходила из службы, что влечет за собой установление связи между служебными и поземельными отношениями. Появление поместий относится к началу XVI века, но уже середина века является той гранью, которая разделяет старые и новые порядки. В условиях подвижности населения и обработки земли «наездом» крупное вотчинное землевладение могло лучше переживать запустошения, чем среднее и мелкое, привлекая крестьян из владений помещиков более выгодными условиями проживания. Отток для него был не столь критичен, как для вотчинника или помещика средней руки. Но несмотря на этот факт, земля все равно ложилась мертвым грузом на владельца и налоги стимулировали процесс появления личной, но отчуждаемой собственности. Желанием вотчинника было сдать в аренду «пустую» землю, чтобы «наполнить» ее, переманив, например, крестьян из служилых поместий. Вотчинное землевладение оказалось более конкурентноспособным и подрывало хозяйственную базу служилого землевладения, на котором основывался государственный механизм Московской Руси.

Помимо этого наследственное право вотчинников подрывало возможность мобилизации вотчинного землевладения за счет увеличения круга наследников (происходило дробление вотчины, появление мелких наделов, с которых нельзя было выставить и воина), развития практики вкладов в монастыри и выделения части земли на прожиток жене вотчинника (в этом случае земля фактически выходила из службы). Государство пыталось противиться выходу земель из служилого фонда, например ограничивая круг наследников вотчины. Согласно указу 1562 года, «которого боярина или сына боярского не станет без детуна, и ближнего роду и духовной у него не будет: и то вотчина государя». Предпринимались действия по ограничению частновладельческого монастырского землевладения, ведь интересы и цели церкви как хозяйственного субъекта противостояли интересам верховного правителя: «церковь играет роль в формировании завещательного права, которое оказывает громадное влияние на формирование института частной собственности, придавая ему абсолютный характер»⁴⁹.

Суммируя итоги обзора литературы, нужно подчеркнуть, что большинство историков сходятся во мнении, что устойчивость института поместной собственности обусловлена его связью с служилым характером формиро-

⁴⁷ *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. С. 4.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Блюменфельд Г.Ф.* К вопросу о землевладении в Древней Руси. С. 110.

вания элиты в интересах верховного правителя. Поместная система могла гарантировать создание и поддержание мощной армии и материальное обеспечение ее участников. В условиях недостатка денежных средств именно эта система лучше справлялась с задачами обеспечения безопасности и роста числа земель и имела определенный эффект масштаба: большее количество земель влекло за собой большее число слуг и увеличение войска и т.д. В условиях колонизации и присоединения новых земель выгоды от экспансионной политики, пусть и с неэффективными институтами, превосходили все негативные внешние эффекты. В результате именно Московское княжество смогло включить в свой состав земли княжеств-конкурентов — Твери, Рязани, Новгорода, а потом и победить внешних врагов — Казанское ханство и Литву.

5. Влияние института собственности на землю на общественно-политические институты

Влияние института собственности не ограничивается лишь экономической сферой. В XVI веке происходит существенный перелом и в общественно-политической жизни Древней Руси. Это отчетливо видно во взаимоотношениях между верховным правителем и верхушкой общества — боярами. На смену аристократическому принципу формирования приходит служилый — с новым видом собственности на землю.

«При князе Василии Ивановиче и Царе Иоанне Грозном древнее родовое начало потеряло всякое значение: князья стали слугами Московского государя, получали от него за службу поместья, подвергались различным ограничениям в случае измены, давали на себя поручные записи в верной службе»⁵⁰.

Происходит переход от удельных вечевых порядков к порядкам Московским, где кардинально пересматривается роль князя и всех остальных слоев общества:

«Тогда же в Московском государстве все население призвано было служить государству; всякие интересы лиц, классов и обществ стояли бесконечно ниже интересов государства, человек жил гораздо менее для себя, семьи и ближайшего общества, чем для государства. Только при этом крайнем напряжении всех сил населения к одной цели, это государство успело вынести свою громадную территорию при незначительности и бедности населения. Это же обстоятельство предредило и формы и характер государственной власти»⁵¹.

Данную метаморфозу можно проследить на примере завещаний московских князей. Перед смертью Дмитрий Донской гарантирует своим боярам права собственности на их землю и признает их полноправными собственниками (XIV век):

«...с вами великое княжество велми укрепих, и мир и тишину княжению своему сотворих, и державу отчины свояе соблюдох... и кикому же вас зла сотворих, ни силою отях, ни досадах, ни укорих, ни разграбив, ни обезествив... вы же не нарекоtesя у меня бояре, но князи земли моей»⁵².

⁵⁰ Лакиер А.Б. О вотчинах и поместьях, СПб: Типография книжного магазина П. Крашениникова и комп., 1848. С. 51.

⁵¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 180.

⁵² Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. С. 398.

Но уже менее чем через два столетия Иван Грозный в письме к польскому королю Сигизмунду Августу четко (и в свойственной лишь ему манере) обозначает те перемены, которые произошли в Московском государстве:

«...наших великих государей вольное царское самодержство не как ваше убогое королевство; а нашим великим государем не указывает никто, а тебе твои панове как хотят, так укажут... а наши все государи самодержцы, и никто же им не может указа чинити, и вольны добрых жаловати, а лихих казнити»⁵³.

Данный порядок уже не вызывает нареканий и у самих бояр, которые в 1562 году указывают литовскому послу, что московские государи «самодержцы, никем не посажены в своих государствах; а ваши государи посаженные государи; так который крепче: вотчинный ли государь или посаженный? Сами разсудите»⁵⁴.

С чем же связаны такие кардинальные изменения в общественно-политических институтах? Автору не удалось найти прямого ответа в трудах вышеперечисленных историков, однако использование инструментария институциональной экономики и применяемой выше логики позволяет интерпретировать их изыскания в ключе современной экономической науки.

В условиях значительных транзакционных издержек функционирования рынка земли, вызванных неразвитостью денежной экономики и товарного рынка и большими пространствами княжества, московские правители находят, что государство оказывается более эффективным регулятором, чем рынок. Государство в лице князя берет на себя регулятивные функции, обеспечивая минимизацию транзакционных издержек. Взамен вотчинной системы, основанной на рыночном механизме и гарантии прав собственности, модель Ивана III и Ивана IV предполагает установление поместной системы, способной устранить «провалы» рынка посредством интервенции государства и ограничений прав собственности. Функции рынка по перераспределению земли берет на себя бюрократический аппарат в лице Поместного приказа, отвечавшего за раздачу земель. Верховная собственность позволяет как более эффективно реализовать общественные задачи (поддержание обороноспособности государства), так и максимизировать полезность верховного правителя (за счет увеличения территории государства, а значит, и ренты правителя). Выгода общества, получающего по аналогии с моделью «оседлого бандита» гарантии безопасности от набегов кочевников, на некотором этапе превосходит транзакционные издержки вмешательства государства. Сложившаяся система соответствует интересам как правителя, так и подданных и легитимируется церковными институтами и общественно-политическими теориями (например, «Москва — Третий Рим»), власть государя обусловливается божественным правом.

Однако в различных исторических ситуациях транзакционные издержки рынка и государственной интервенции могут быть разными. Например, в условиях большой территории государства и ведения постоянных войн издержки рынка существенно увеличиваются. Наоборот, с развитием денежного хозяйства происходит увеличение издержек государственного регулирования. Все это означает, что в рамках исторического процесса может существовать несколько равновесных состояний. Вариативность исторического развития, переход от одного равновесия к другому реализуется из-за изменения уровня транзакционных издержек общества.

⁵³ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. С. 408.

⁵⁴ Там же. С. 413.

По мере развития денежных отношений в Московской Руси издержки поместной собственности, связанные с отсутствием стимулов для хозяйствования и с другими причинами, рассмотренными выше, начинают превышать транзакционные издержки, присущие рынку. Интересы верховного правителя противостоят интересам других классов общества (прежде всего земельной аристократии и церкви). Данные группы давления придерживаются идеи частной собственности на землю и вовлечения аристократии в процесс управления государством. Для них переход к частной собственности желателен и означает интернализацию внешних эффектов и повышение эффективности хозяйствования. Бояре, вышедшие из удельных князей и привыкшие править в своих уделах, заинтересованы в возможности принимать участие в политическом процессе.

Какое влияние эта борьба имеет на общественное благосостояние? Как уже указывалось выше, рост общественного благосостояния возможен лишь тогда, когда интересы властных группировок совпадают с интересами общества. В противном случае их деятельность, направленная на максимизацию личной полезности, производит негативные внешние эффекты для общества.

Политическое противоборство бояр и царя, окончившееся победой последнего, — это борьба за установление тех институциональных норм, которые соответствуют интересам данных группировок и обеспечивают максимизацию их экономических интересов. Группа царя (включавшая в себя дворянство) — сторонники государственного регулирования и неограниченной власти государя — борется со сторонниками «рынка» и ограниченной власти верховного правителя (бояре и церковь). Этот *trade-off* характерен для всей русской истории (в качестве другого примера можно вспомнить кондиции Анны Иоанновны). Оптимизационная задача общества заключается в выборе между двумя неидеальными альтернативами (провалами рынка либо провалами государства). Выбор поместной системы землевладения в Московской Руси, для которой характерны более высокие транзакционные издержки, — типичный пример того, как под давлением властной группировки был осуществлен неоптимальный выбор, впоследствии приведший к сельскохозяйственному и экономическому кризису середины XVI века.

Заключение

Институциональный анализ объяснений утверждения поместного режима землепользования в Московском царстве в российской исторической литературе позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в полном согласии с современным институциональным анализом российские историки практически единодушно считали режим прав собственности, сложившийся в XVI веке, важной причиной сельскохозяйственного кризиса. Во-вторых, их работы в очередной раз показывают, что само формирование режима собственности было не изолированным от системы институтов, а напротив, происходило в тесной связи с формированием политического режима. В известном смысле, историки рассматривали недостатки поместной системы в качестве отрицательного внешнего эффекта контракта, заключенного между царем и служилым дворянством. В-третьих, обращение к истории формирования режима собственности еще раз демонстрирует, какими экономическими потерями может обернуться ослабление прав собственности, осуществляемое для достижения сиюминутных политических и экономических целей. Наконец, следует еще раз подчеркнуть, что обращение к российским историческим исследованиям способно обогатить современного экономиста не только фактами, но и методами их анализа.